

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ СЮЖЕТА

УДК 821.161.1.09

Д. В. Долгушин

Новосибирск, Россия

МИФ О КОРОЛЕВЕ ЛУИЗЕ В ТВОРЧЕСТВЕ В. А. ЖУКОВСКОГО

Рассматривается рецепция романтического мифа о прусской королеве Луизе В. А. Жуковским. Непосредственным импульсом для обращения Жуковского к этой теме стала его деятельность в качестве учителя русского языка великой княгини Александры Федоровны – дочери королевы Луизы. В 1817–1821 гг. Жуковский изучает биографию королевы Луизы, посещает мемориальные места, с нею связанные. Тема королевы Луизы является одной из основных в стихотворении «Цвет завета», где она связана с цветочной символикой, принятой в семействе королевы Луизы, а также в прозаической миниатюре «Воспоминание». И в том, и в другом случае она реализуется через мотив победы над временем с помощью воспоминания, скрепляющего союз «прекрасных душ».

Ключевые слова: В. А. Жуковский, королева Луиза Прусская, романтизм, мотив, миф.

В 1815 г. В. А. Жуковский был назначен учителем русского языка принцессы Шарлотты (великой княгини Александры Федоровны). Занятия и общение с ней дали новый импульс его увлечению немецкой культурой. Теперь он открывал для себя рах германиса не заочно и не в дерптской периферии, как ранее, а непосредственно, погрузившись в самую гущу немецких знакомств, впечатлений, литературных связей и культурных реалий. Этому очень способствовала поездка Жуковского в Германию в составе свиты великой княгини Александры Федоровны, когда он провел семь месяцев (с октября 1820 по май 1821 г.) при дворе ее отца прусского короля Фридриха-Вильгельма III [1, с. 319–334]. Здесь он не только приобщился к восхитившей его атмосфере «семейного счастья во всей его патриархальной чистоте» [2, с. 144], но и соприкоснулся с кругом прусских семейно-династических традиций, важнейшей из которых был культ памяти покойной супруги Фридриха-Вильгельма королевы Луизы. Этому культу было суждено приобрести в Германии общенациональный масштаб: в последней трети XIX в. он сделался одним из устоев имперской идеологии. Предметом настоящей статьи будет изучение того, каким образом он отразился в творчестве Жуковского.

Формирование биографического мифа о королеве Луизе, начавшееся еще при ее жизни, шло на протяжении всего XIX в.¹, причем одновременно и в «низовом»

¹ О мифологизации образа королевы Луизы, месте ее культа в немецкой культуре и идеологии, а также библиографию вопроса см.: [3–8].

Долгушин Дмитрий Владимирович – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы XIX–XX вв. Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия; D_Dolgushin@mail.ru)

регистре народного сознания, и в «высоком» регистре литературы и искусства, и в «среднем» регистре государственной идеологии. Ключевыми элементами этого мифа стали три круга представлений.

1. Луиза – образец простоты, естественности, детской непосредственности. Этот ракурс был задан эпизодом, произошедшим при въезде Луизы в Берлин на свадьбу с Фридрихом-Вильгельмом в 1793 г., когда она расцеловала девочку, поднесшую ей букет цветов. Столь вопиющее нарушение светских приличий вызвало недовольство чопорной статс-дамы графини Фос и полный восторг новых подданных Луизы, покоренных искренностью своей будущей королевы. Именно соединенная с женственностью детская наивность и простота стали ключевыми чертами образа Луизы в знаменитой скульптурной группе И. Г. Шадова «Прицессы» (1795–1797). Фридрих-Вильгельм считал эту скульптуру слишком чувственной и, став королем, приказал убрать ее из общего доступа. Однако 50-сантиметровые фарфоровые ее копии, выпущенные в 1796 г., распространились достаточно широко, так что работа Шадова успела внести вклад в романтизацию образа Луизы в сознании современников [3, S. 172; 4, S. 13–22].

2. Луиза – образец жены и матери. Этот аспект был задан еще Новалисом. По случаю вступления Фридриха-Вильгельма III и Луизы на трон он опубликовал в «Ежегоднике прусской монархии» цикл отрывков «Вера и любовь» (1798), в котором королевская чета предстает в качестве идеального семейства. Новалис призывал повесить портрет королевы Луизы «в спальне каждой благовоспитанной женщины, каждой заботливой матери» [9, с. 52], соединить свадебный ритуал с ритуалом преклонения перед ней, для воспитания девушек учредить «ложу нравственной грации», а в зале собраний этой ложи поместить скульптурную группу Шадова. «В наши дни вершились подлинные чудеса пресуществления. Не преобразуется ли двор в семью, трон в святыню, а бракосочетание короля в вечный союз сердец? <...> золотой век близится или уже наступил» [9, с. 56–57], – восклицает он, поэтизируя королевское семейство.

3. Луиза – образец национальной мученицы, олицетворение патриотизма и жертвенной любви к Отечеству². Королева Луиза была приверженцем антинаполеоновской политики, главой антифранцузской партии при дворе [10, р. 9]. Она деятельно участвовала в подготовке компании 1806 г. После катастрофического поражения прусской армии в битве при Йене и Ауэрштедте Луиза вместе с детьми и немногими спутниками (в том числе с будущим другом Жуковского врачом К. В. Гуфеландом) бежала в Кенигсберг, где заболела тифом. При слухах о приближении Наполеона Луиза, несмотря на тяжелую болезнь, устремилась дальше: жизнь под властью захватчиков казалась ей невыносимой. По почти непроезжей в это время года Куршской косе она пробралась в Мемель. Во время Тильзитских переговоров, когда само существование Пруссии оказалось под вопросом, Луиза, переступив через свою неприязнь к Наполеону, по просьбе мужа явилась для встречи с императором французов, наслышанным о ее красоте. Попытки королевы добиться от него снисхождения для прусского государства не увенчались успехом, а пережитое унижение глубоко потрясло ее. Молва видела в этих переживаниях причину ранней смерти королевы Луизы, умершей 34 лет 19 июля 1810 г. в Хозэнцирице в гостях у своего отца.

В XIX в. разные аспекты биографического мифа о королеве Луизе становились ведущими. Для раннего периода важное значение имели 1-й и 2-й аспекты, позиционирующие Луизу как «королеву сердец» (А. Шлегель). Выразившееся в них соединение идеала буржуазной семьи с идеалом монархии имело, по наблюдению П. Дрюс [3], профилактически-антиреволюционное значение: образ жизни сред-

² Специально об этом аспекте см.: [11].

него класса канонизировался без травматических социальных потрясений. В эпоху войны за освобождение (1813–1815 гг.) ведущим становится 3-й аспект. Сама эта война понимается (например, в стихотворении Т. Кернера о королеве Луизе) как месть за унижение и безвременную смерть королевы [3, S. 173–174; 7, p. 150–151]. Постепенно складывается образ Луизы как «Матери Отечества» («Landesmutter»), «прусской Мадонны», ангела-хранителя и «mater dolorosa» Пруссии [8, p. 391–393], который вбирает в себя мариологические черты и на вербальном (ср. стихотворение З. Вернера [8, p. 393]), и на иконографическом уровне [8].

Пик увлечения Жуковского темой королевы Луизы пришелся на 1817–1821 гг. 25 октября 1817 г. он записывает в своем дневнике: «Биография королевы Луизы» [12, с. 124]. 6 ноября 1817 г. беседует с великой княгиней Александрой Федоровной о «прекрасном образе, который она имеет в своей матери». 2 декабря 1817 г. Жуковский делает выписку³, содержащую рассказ о том, как 12-летняя принцесса Шарлотта (Александра Федоровна), узнав о смерти своей матери, скорбела, что не услышала от нее последнего наставления, но была утешена словами прабабушки, ландграфини Дармштадтской: «Твоя мать тебе сказала бы: *Будь добродетельна!*». Под этой выпиской сама Александра Федоровна записывает свои воспоминания о том, как на следующий день после смерти матери отец повел своих детей в сад. «Отец повел нас к холму из белых роз и сказал Шарлотте: “Сплети венок из белых роз, чтобы возложить его на могилу мамы”. Братья прилежно рвали белые розы, а я сидела под старым грушевым деревом и плела венок. Каждый брат взял по кусту, а отец розу с тремя бутонами, которые должны были представлять Александрина, Луизу и Альбрехта. И потом мы отнесли эти цветы к нашей маме» [12, с. 128] (подлинник по-немецки).

Во время пребывания в Берлине в 1820–1821 гг. Жуковский посещает места, связанные с королевой Луизой, рассматривает оставшиеся от нее вещи. 22 октября 1810 г. он отправляется в Шарлоттенбург, где посещает усыпальницу королевы Луизы со знаменитым памятником работы Рауха, произведшим на Жуковского глубокое впечатление: «...чувство, возбуждаемое сим памятником, есть унылое воспоминание, смешанное с неясною надеждою. Над головою семь увядших венков: это первые, сплетенные детьми в первый день рождения после ее смерти» [12, с. 143]. В своем дневнике Жуковский описывает место погребения королевы вполне в согласии с биографическим канонem, воспроизводя все перечисленные выше его составляющие: «...здесь душа наперед уже растрогана; подходишь к месту, где спит любимая мать, царица, не забытая народом, женщина, украшение своего времени, жертва несчастья, и она погребена там, где всё полно ее воспоминанием, где она была душою семьи своей и наслаждалась чистым семейным счастьем» [12, с. 143].

Жуковский не только наблюдает за культом памяти королевы Луизы со стороны. Он сам, наравне с Новалисом, А. Шлегелем, Жан-Подем, Г. фон Клейстом, З. Вернером, Т. Кернером, становится слагателем мифа. Примером этому может послужить стихотворение «Цвет завета».

Оно было написано летом 1819 г. по заказу великой княгини Александры Федоровны и примыкает к стихотворениям павловского цикла. Первая его часть рисует картину блаженного прошлого, своего рода «золотого века» – счастливой жизни принцессы Шарлотты в родной семье. Эта жизнь изображена как «милое вместе», в котором преодолен губительный ход времени, остановлена столь ужасавшая Жуковского тяжелая поступь хроноса, когда

³ А. С. Янушкевич предполагает, что это выписка из дневника гувернантки великой княгини г-жи Вильдермет [13, с. 497].

Минувших лет семьей окружены,
Все лучшее мы зрели настоящим;
И время нам казалось нелетящим.

И *Верная* была незримо с нами...
Сии окрест волшебные места,
Сей тихий блеск заката за горами,
Сия небес вечерних чистота,
Сей мир души, согласный с небесами,
Со всем была, как таинство, слита
Ея душа присутствием священным,
Невидимым, но сердцу откровенным.

И нас *Ея* любовь благословляла;
И ободрял на благо тихий глас... [13, с. 134].

Слова, выделенные Жуковским курсивом, указывают на королеву Луизу, которая, незримо присутствуя среди родных, составляет сакральную основу их союза. «Цвет завета» напоминает другое стихотворение павловского цикла, написанное летом 1819 г., – знаменитый отрывок «Невыразимое». В нем так же, как и в «Цвете завета», Жуковский с помощью цепочки перечислений, начинающихся с местоимения «сей», указывает на скрытую за перечисляемыми объектами сакральную первореальность. В обоих стихотворениях эта первореальность трактуется как невыразимая – такая, на которую можно лишь намекнуть, причем намекнуть словами развоплощенными, превращенными, по выражению Г. А. Жуковского, в «ноты эмоциональных звучаний» [14, с. 49]. «Развоплощенным» посредником между невыразимым первоначалом и душой является и сам «цвет завета»:

Посол души, внимаемый душой,
О верный цвет, без слов беседуй с нами
О том, чего не выразить словами [13, с. 135].

Характерно, что все первые отклики на «Цвет завета» старались придать этому образу плоть, объяснить реалию, которая за ним стоит. А. П. Елагина поясняла, что «великая княгиня Александра Федоровна условились с сестрою – присылать друг другу первые весенние цветы, которая каждая из них увидит». П. А. Плетнев объяснял, что Александра Федоровна, уезжая в Россию, оставила сестрам цветок «как залог их взаимного воспоминания. В 1819 г. она такой цветок нашла здесь, и Жуковский воспользовался, чтобы эту идею развить в стихах» (цит. по: [13, с. 540–541]).

Так или иначе, центральный образ стихотворения тесно связан с домашними традициями семейства королевы Луизы, в котором цветочной символике придавалось огромное значение. Каждое утро слуга приносил Фридриху-Вильгельму III в комнату корзину всевозможных цветов и фруктов. Король тщательно осматривал их и с помощью специальных этикеток распределял, какие подарить какому из своих детей [15, р. 41]. Из всех цветов он особенно любил розы. В дворцовом парке в Потсдаме Фридрих-Вильгельм устроил цветочный Павлиний остров: «здесь были собраны все имевшиеся тогда сорта и варьеты роз, так что местечко это представляло собой нечто в роде римского Пестума» [16, с. 28]. Любимым цветком Александры Федоровны была также роза, причем белого цвета, поэтому домашним прозвищем ее было «Blanchefleur» [16, с. 28]. Когда она уезжала в Рос-

сию, Фридрих-Вильгельм устроил на Павлинъем острове грандиозный праздник для своей дочери. «Будущая всероссийская императрица, сидя под золотым, изукрашенным драгоценными камнями балдахинном, изображала из себя волшебную белую розу, а ожившие из преданий во всем своем блеске и красоте рыцари круглого стола короля Артура окружали ее, готовые копьем и мечом со щитом защитить свою повелительницу. <...> Чтобы украсить весь сценарий, были отовсюду свезены тысячи тысяч белых роз. Ими украшены были все знамена, они обвивались гирляндами вокруг древков, венками из них были убраны головы всех приглашенных дам и самой царицы, ими же, наконец, были усыпаны все ступени и разубран трон.

В память об этом празднике каждая из присутствовавших дам получала от будущей императрицы серебряную розу, на листьях которой были вырезаны год и число. В самой же королевской семье память об этом дне сохранилась в виде изящного бокала с серебряной розой на крышке, хранящегося во дворце в Берлине, и картины аль-фреско на стене одной из зал Потсдамского дворца, изображающей главную сцену этого памятного торжества» [16, с. 29].

Неудивительно, что цветочная символика стала неотъемлемой частью культуры памяти и биографического мифа королевы Луизы. Как уже упоминалось, сразу же после ее кончины дети принесли белые розы своей матери, в ее спальне долгое время сохранялись семь увядших венков, сплетенных детьми в первый после смерти день ее рождения. Многие ключевые эпизоды биографии королевы Луизы также связаны с цветами.

Прежде всего, это эпизод во время переговоров в Тильзите: Наполеон преподнес Луизе розу. Луиза хотела воспользоваться его любезностью для сохранения за Пруссией Магдебурга и, принимая цветок, сказала: «*Mais avec Magdebourg?*», на что получила гневную отповедь императора французов [16, с. 28]. В биографический канон вошли и эпизоды с васильками. Во время бегства Луизы из Кенигсберга в Мемель, ее экипаж сломался. «Не зная, что делать, королева Луиза в ожидании починки экипажа села с детьми на краю дороги как раз около хлебного поля. Дети жаловались на усталость и сильный голод.

Желая как-нибудь развеселить их, королева начала рвать васильки и плести из них венок; при этом крупные слезы катились у нее по щекам. Заметив это, второй сын ее, Вильгельм (впоследствии германский император), отличавшийся очень мягким сердцем и сильной любовью к матери, начал утешать и обнимать ее. Тронутая этой любовью, королева улыбнулась, ободрилась и, смеясь, надела венок из васильков на голову сына.

Вскоре помощь пришла, экипаж исправили, и королевская семья благополучно избегла плена» [16, с. 227].

Другой случай с васильками относится ко времени жизни королевы Луизы в изгнании в Кенигсберге. Гуляя с детьми по парку, она купила корзину васильков у уличной торговки. Принцесса Шарлотта при помощи матери принялась плести себе из них венок. Когда она надела его, все остальные дети пришли в восторг. «Сама по себе эта чрезвычайно скромная, охватившая детей радость влила, однако, глубокое утешение в истомившуюся душу давно уже не выдавшей даже проблесков веселья королевы Луизы, и она почувствовала в ней как бы предвестницу близкого окончания своих страданий» [16, с. 226].

Цветочная символика, естественно, перешла и в посвященную королеве Луизе литературу. Так, Ф.-А. Круммахер в притчах, посвященных королеве Луизе [17, S. V–XII], изображает ее в образе индийской царицы Саконталы, а себя – в образе

Брамы, приносящего Саконтале в подарок цветы их общей родины⁴. Притчи близки по фабуле «Цвету завета», что объясняется, конечно, не их влиянием на стихотворение Жуковского, которое маловероятно, но принадлежностью к общему семантическому пространству, сформированному мифом о королеве Луизе.

Еще одно произведение Жуковского, связанное с этим мифом, – отрывок «Воспоминание», записанный им в дневнике 1821 г. [12, с. 158], а в 1850 г. включенный в том религиозно-философской прозы. В нем поэт рассказывает, как королева Луиза не успела прочитать письмо принцессы Шарлотты, заставшее ее уже на смертном одре. Но это не значит, что письмо не прочитано, рассуждает Жуковский, ведь вся жизнь Александры Федоровны обращена теперь к королеве Луизе – «без нее и всё для нее!» [12, с. 158]. Теперь ее союз с матерью уже ничто разорвать не сможет, он спасен от уничтожающего времени: «прекрасная жизнь тех, которых мы лишились, освещает для нас и землю, и жизнь нашу! Решительная минута разлуки миновалась: они навеки преданы воспоминанию, <...> такое воспоминание есть для нас совесть» [12, с. 157–158]. Двумя месяцами позже, 6 (18) апреля, Жуковский в своем дневнике продолжает эту тему: во время говения на вечерне он заметил в руках великой княгини Александры Федоровны письма ее матери. Это наблюдение привело его в восторг [12, с. 163]. Королева Луиза, умирая, получает письмо от Александры Федоровны и, не успев его прочитать здесь, делает это в вечности. Александра Федоровна на богослужении, как молитву воспоминания, читает письма своей умершей матери. Оказывается, смерть не властна над их общением. Время не может разорвать его. Как и в стихотворении «Цвет завета», в отрывке «Воспоминание» тема королевы Луизы оказывается связана с темой преодоления времени в прекрасном союзе⁵ чистых душ. Именно этот мотив мифа о королеве Луизе и становится главным для Жуковского⁶.

Список литературы

1. Янушкевич А. С. В мире Жуковского. М.: Наука, 2006. 524 с.
2. Русский библиофил. 1912. Дек.
3. Drewes P. Königin Luise von Preußen – Geschichte im Spiegel des Mythos // An der Schwelle zur Moderne: Deutschland um 1800 / Hg. P. Brandt. Forschungsinstitut der Friedrich-Ebert-Stiftung, Historisches Forschungszentrum. Bonn: Friedrich-Ebert-Stiftung, 1999. S. 157–178.
4. Bruyn G. de. Preußens Luise. Vom Entstehen und Vergehen einer Legende. Berlin: Siedler Verlag, 2001. 135 S.
5. Förster B. Der Königin Luise-Mythos: Mediengeschichte des «Idealbilds deutscher Weiblichkeit», 1860–1960. Göttingen: V&R unipress, 2011. 492 S.

⁴ В детстве королева Луиза проводила летние месяцы у своей бабушки в замке Бройх, неподалеку от Дуйсбурга, родного города Круммахера в Северной Вестфалии. Луиза знала Круммахера и ценила его творчество (см.: [18, S. 118]).

⁵ Ср. цсл. значения слова «завет», которые важны для понимания заглавия стихотворения В. А. Жуковского, – ‘завещание’, ‘договор’, ‘союз’ [19, с. 129].

⁶ В состав отрывка «Воспоминание» Жуковский поместил и свое стихотворное переложение некролога королеве Луизе, изданного Жан-Полем. Он перевел его еще в 1818 г. и хотел включить в издание «Für Wenige», но не решился этого сделать (см. исследование А. С. Янушкевича: [13, с. 496–497]). Зато в это издание вошел другой косвенно связанный с темой королевы Луизы текст – перевод «Песни арфиста» Гёте («Кто слез на хлеб свой не ронял...»). Окружающие часто слышали, как она повторяла это стихотворение во время бегства после Йенского поражения в Кенигсберг [15, р. 237].

6. *Giloi E.* Monarchy, Myth, and Material Culture in Germany 1750–1950. Cambridge: University Press, 2011. 434 p.
7. *Askey J. D.* Good Girls, Good Germans: Girls' Education and Emotional Nationalism in Wilhelminian Germany. N. Y.: Camden House, 2013.
8. *Berlis A.* The Politics of Representation: Prussian Monarchy and Roman Catholic Church in the Making of Saints during the 19th Century // *Iconoclasm and Iconoclasm. Struggle for Religious Identity* / Eds. W. J. van Asselt, P. Van Geest, D. Muller, Th. Salemink. Leiden: Brill, 2007. P. 387–405.
9. *Новалис.* Вера и любовь, или Король и королева // *Эстетика немецких романтиков* / Сост., пер., вступ. ст. и коммент. А. В. Михайлова. М.: Искусство, 1987. С. 44–57.
10. *Leggiere M.* Napoleon and Berlin: The Franco-Prussian War in North Germany, 1813. Norman: University of Oklahoma Press, 2002. 384 p.
11. *Askey J. D.* Growing into a Nation: Queen Luise and the Lesson of Nationalism in Adolescent Fiction for Girls // *Women Against Napoleon: Historical and Fictional Responses to His Rise and Legacy* / Eds. W. Maierhofer, G. M. Roesch, C. Bland. Frankfurt/Main: Campus Verlag, 2007. P. 265–280.
12. *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. 13: Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1804–1833 гг. / Сост. и ред. О. Б. Лебедева, А. С. Янушкевич. 608 с.
13. *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М.: Языки славянской культуры, 2000. Т. 2: Стихотворения 1815–1852 гг. / Ред. О. Б. Лебедева, А. С. Янушкевич. 839 с.
14. *Жуковский Г. А.* Пушкин и русские романтики. М.: Худож. лит., 1965. 356 с.
15. Frédéric-Gillaume III, roi de Prusse, et la reine Louise, traduit librement de l'évêque Eylert, capellain de Sa Majesté. Par l'auteur d'Albert de Haller et de l'Essai sur la vie de J.-G. Lavater. Neuchatel; Paris, 1846. 291 p.
16. *Золотницкий Н. Ф.* Цветы в легендах и преданиях. СПб., 1913. 298 с.
17. *Krummacher F. A.* Parabeln. Bd. 1–3. Wien; Prag, 1818.
18. *Graß Ch., Husmann J., Marx P.* Des schönen Ruhrtals Krümmung: Friedrich Adolph Krummacher in Kettwig 1807–1812. Norderstedt, 2011. 232 S.
19. *Седакова О. А.* Словарь трудных слов из богослужения: церковнославяно-русские паронимы. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2008. 432 с.

D. V. Dolgushin

Novosibirsk, Russian Federation

**QUEEN LUISE'S MYTH
IN V. A. ZHUKOWSKY'S POETRY AND PROSE**

In this article the reception of Prussian Queen Luise's romantic myth by V.A. Zhukowsky is considered. The Zhukowsky's activity as Russian language teacher of grand princess Alexandra Fedorovna (daughter of Queen Luise) was the immediate cause of attention of Zhukowsky to this theme. In 1817–1821 he studied the Queen Luise's biography and visited the memorial places. The Queen Luise's theme is one of more important in the poem «Tsvet zaveta», where it is associated with flower symbolic, and in the essay «Vospominanie».

Keywords: V. A. Zhukowsky, Queen Luise of Prussia, Romanticism, motif, mythю

Dolgushin Dmitry V. – candidate of philological sciences, docent of the department of literature of the XIX–XX centuries of Novosibirsk State University (2 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation; D_Dolgushin@mail.ru)